

День проходил с пугающе медленной скоростью, Сенат относительно вернулся к слабому состоянию, которое можно было назвать нормальным, по крайней мере, по сравнению с предыдущим безумием дня. Через некоторое время вернулась и ее пропавшая охрана, отозванная по "неотложным делам" еще одним истуканом Палпатина, который, несомненно, пытался выдворить их с территории Сената. Объяснив ситуацию Дорме, Падме с некоторым комфортом вернулась к своей работе - или, по крайней мере, настолько комфортно, насколько это было возможно, учитывая обстоятельства - и постаралась занять свои мысли, отвлекаясь на дела, которые не имели большого значения, которые она считала просто произвольными делами, не идущими ни в какое сравнение с той несправедливостью, которую совершила сегодня Империя. Правда, по большей части она могла бы заставить Мон Мотму гордиться своим выступлением, так как вела себя в своей роли безупречно, казалось, что все в порядке, и, что еще более неприятно, она была довольна действиями, предпринятыми Империей для ратификации "мира" в стенах Сената. Возможно, у нее возникло желание связаться с одним или двумя сенаторами, но она отвлеклась. Только в последний час или около того, когда рабочее время начало сокращаться, активность в Сенате, казалось, омолодилась - по крайней мере, в плане безумия. Только за последний час участились крики и вопли: похоже, настроение Дарта Вейдера ухудшилось после встречи с Рашем Кловисом, а его терпимость более или менее рассеялась. Падме даже случайно видела его, когда он проходил мимо ее кабинета, слишком часто после их странной встречи, но обычно она улавливала лишь конец его черного плаща, волочившегося за ним... но даже малейшего намека на Дарта Вейдера, как бы ей ни было неприятно это признавать, было достаточно, чтобы ее разум взорвался. Обычно Падме умела сохранять концентрацию, особенно когда дело касалось ее работы, но, похоже, даже она не могла избежать загадки Дарта Вейдера, не в силах отложить вопросы, поглощавшие ее разум при одном только взгляде на него. Ей стало интересно, была ли ее вновь обретенная одержимость ситхами вызвана тем, что Лорд ситхов был такой загадкой? Или просто потому, что Вейдер так охотно, но неосознанно раскрыл столь ценную информацию о себе? Она заставила себя поверить, что это ради Повстанцев, что ее вопросы были последовательными и обычными, и даже что каким-то образом через ее вопросы и дальнейшее расследование она может стать ключом к поиску слабого места в главном оружии Империи, которое в свою очередь может помочь Повстанцам. Она знала, что это полуправда, но даже в полуправде была доля правды. Не имело значения ее собственное эгоистичное любопытство к ситху, потому что, в конце концов, до этого момента у Восстания не было никаких реальных зацепок, чтобы подтвердить, был ли Дарт Вейдер киборгом или смертным... но если следовать своим мыслям до конца, она должна была прийти к выводу, что Вейдер должен быть человеком... или, по крайней мере, органической формой жизни. Она бы даже сказала, что он, скорее всего, гуманоид... хотя ей придется продолжить расследование, чтобы подтвердить эту деталь. Тем не менее, она решила, что это не имеет большого значения, потому что если у Вейдера были такие потребности, как похоть или что-то близкое, что привело бы к поиску товарищей такого рода, то у него должны были быть и другие потребности. У него должны были быть такие потребности, как голод или отдых... и все это вело к тому, что у него была слабость... или так она надеялась... Конечно, вся эта информация также основывалась на том, что Вейдер говорил правду по этому вопросу, что казалось маловероятным. Итак, вернемся к началу, подумала она после горькой войны внутри себя, ненавидя признавать, что она действительно не нашла бескомпромиссных доказательств того, что ситх действительно является... ну... настоящим живым существом. Как политик, она знала, что для того, чтобы раскрыть Восстанию какую-либо информацию о ситхах, ей понадобится гораздо более "серьезная" информация, чем эта. Она не хотела посылать своих товарищей на убой только из-за дезинформации. Сначала ей нужны были доказательства. Несомненная и непоколебимая правда. Поэтому она должна была признать, что слова Вейдера могли быть просто ложью, особенно когда целью ситхов, несомненно, было разозлить противника - даже если этот противник был таким жалким, как Рош Кловис. Если бы она действительно проследила ход

мыслей до конца, ей пришлось бы признать, что существует столько же факторов, которые приводят к выводу, что Дарт Вейдер - не более чем киборг или дорогостоящий дроид, созданный просто для того, чтобы выполнять приказы Императора. И в каком-то смысле в эту мысль было приятнее поверить... но в другом... как-то неприятно. Хотя она и не знала почему. Она подумала, что, возможно, это неприятно, потому что это означало, что если Вейдер действительно нечеловек, то его почти невозможно уничтожить. Это означало бы, что его можно исправить, если причинить ему вред, и, возможно, у него так мало слабых мест, как считала галактика. По крайней мере, меньшее означало, что Вейдера можно убить - как бы ни была трудна задача, это все равно было бы возможно... Или, возможно, это было просто неприятно, потому что, как сказал ей Бейл, она тоже не хотела верить, что простой смертный способен совершить те ужасные подвиги, на которые оказался способен Вейдер, но эта зацепка не вела так далеко, поскольку Падме знала, что Палпатин был таким же злым, а по ее мнению, возможно, даже хуже Вейдера. Палпатин был худшим оправданием человека, которого могла предложить галактика, и она знала, что он был живым, дышащим существом. Он был живым и человеком, но, несомненно, злым. Так почему же Вейдер должен быть другим? Вейдер мог читать мысли, насколько она могла судить, а Падме не знала ни одного дроида или даже технологического источника, способного на такое... а это уже что-то. Верно? Дорме громко застонала от досады, отрывая Падме от ее мыслей. "Так-так", - размышляла она. "Смотрите, кто вернулся". Падме подняла глаза от своей работы, которую на самом деле не читала, и, проследив за взглядом Дорме, увидела Раша Кловиса, стоящего в коридоре у ее кабинета. Она едва не застонала от этого зрелища. Глупость этого человека. Неужели он действительно желал смерти? Неужели ситх не дал понять, что на карту поставлена его жизнь? Падме думала, что угроза была недвусмысленной, но, очевидно, она ошибалась, и еще более удивительным было то, что Раш оказался еще глупее, чем казался: он стоял в главном зале прямо перед ее кабинетом, разговаривал с группой сенаторов, пытался рассказывать анекдоты, а они смеялись от удовольствия, и практически просил, чтобы его растерзали руки Повелителя ситхов. "Идиотизм некоторых людей", - ответила она, закатив глаза, и вернулась к своей работе, не позволяя глупому человеку отвлекать ее от текущей задачи или занимать ее мысли. Несколько мгновений прошло в тишине, хотя Падме уже знала, что тишина будет недолгой, прежде чем она почувствовала, что Дорме снова рядом с ней, близко наклонившись. "Он снова смотрит на вас, миледи", - прошептала она на ухо Падме. Падме подняла голову и посмотрела в сторону небольшой толпы сенаторов, сгрудившихся на площадке перед дверью. Проскочив через толпу, она встретила взглядом с женщиной, который пристально смотрел на нее, не делая никаких попыток отвернуться. Глаза Раша оставались на месте, как будто он не был пойман, и без всякой дрожи смотрели в ее карие глаза. Падме едва не закатила глаза от его самоуверенности, или "уверенности", как он это называл. Ей больше подходило слово "эгоист". "Да", - вздохнула она, возвращаясь к датападу в своих руках. "Я знаю". Дорме нахмурилась, услышав ответ Падме, и посмотрела туда-сюда между экраном и женщиной, сидящей за своим столом. Казалось, она на мгновение растерялась, а затем разразилась приступом хихиканья. "Нет! Не Раш!" Дорме рассмеялась, явно забавляясь тем, что Падме посчитала нужным указать на очевидный факт. Ее лицо стало серьезным, когда она повернулась, чтобы посмотреть через комнату на темноту, которая обитала на другой стороне. "За ними", - поправила она. "Лорд Вейдер".